

ОБЕД И БЕСЕДА: СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

© 2002 А.А. Кретов

Воронежский государственный университет

Памяти русского лингвиста Никиты Ильича Толстого

В отношении этимологии слова *обед* царит едва ли обоснованное единодушие¹ тогда как этимология существительного *беседа* спорна даже в свете последнего слова науки².

Цель данной статьи - изменить этимологическую ситуацию и не только обнаружить у слов *обед* и *беседа* нечто общее, но и вписать их в круг праиндоевропейской культуры.

Этимологические словари возводят слово *обед* к корню **éd* (*еда, едим, едите, едят*), реконструируя исконное значение 'трапеза' или 'время трапезы'³. Современная семантика слова *обед*⁴ столь близка к идее еды, что связь *обеда* с *едой* воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

На этом фоне из поля зрения легко ускользают "мелкие" фонетические и акцентологические неувязки.

В частности, если *обед* - производное от глагола *объесть-объедасть* (а как иначе может появиться глагольная приставка *об-* у существительного?), то почему это не **объед*? Сравним: *объезжать* - *объезд*, а не **обезд*, *объявлять* - *объявление*, а не **объявление*, *объяснять* - *объяснение*, а не **объяснение*, *объять* - *объятие*, а не **объятие*. Да и в других словах с корнем *ед-* не находим случая взаимодействия гласного корня с конечным согласным приставки: *надъедать, подъедать, разъедать, изъедать, съедать, отъедать*. Во всех случаях между корнем и приставкой обнаруживаем морфонологическую прокладку {*ьj*}.

В морфонологическом отношении глагол *обедать* и существительное *обед* могут быть удовлетворительно объяснены только как результат взаимодействия *б* и *в* на стыке приставки и корня. Этот процесс имел место еще в праславянскую эпоху и представлен в

словах *об-(в)ет, об-(в)ида, об-(в)ертка, об-(в)итать, об-(в)язать*, а также в словах *об-(в)олочка, об-(в)од, об-(в)оз, об-(в)онять, об-(в)оротень* и др.⁵ Следовательно, с фонетической (морфонологической) точки зрения слово *обед* может представлять собой только результат взаимодействия приставки *об-* с корнем *-вед(вёд-)*.

Непонятными оказываются и отношения "однокоренных" глаголов *обедать* и *объедасть*. В народном сознании они **противопоставлены**, как это обычно бывает с омонимами. В.И. Даль в своем словаре приводит следующие поговорки: *Объедай, да не объеда́й; Тебя звали объедасть, а ты пришел объеда́ть*.

Совсем иные отношения у глагола *обедасть* с глаголом *ведать* и его производными: они - **сопоставлены**, как это бывает с близкими по значению словами: *Кабы я ведал, где ты ноне обедал, знал бы я, чью ты песенку поёшь! Кабы знать да ведасть, где нынче обедасть. Кабы ведал, у чужого б не обедал. Про то дедушка не ведает, где внучек обедает. Пошел проведать, да и остался обедасть*.

Столь широко представленная в пословицах "рифмованность" глагола *обедать* со словами корня *ведать* не случайна. Она указывает на еще одно веское доказательство того, что глагол *обедать* и глагол *едать* не имеют ничего общего - на различие их акцентологических характеристик.

Рассмотрим место ударения в глаголах *едать, ведать* и их приставочных производных.

ед-Ать	отъед-Ать	объед-Ать	обЕд-ать	отвЕд-ать	вЕд-ать
ед-Аю	отъед-Аю	объед-Аю	обЕд-аю	отвЕд-аю	вЕд-аю
ед-Аешь	отъед-Аешь	объед-Аешь	обЕд-аешь	отвЕд-аешь	вЕд-аешь
ед-Ает	отъед-Ает	объед-Ает	обЕд-ает	отвЕд-ает	вЕд-ает
ед-Аем	отъед-Аем	объед-Аем	обЕд-аем	отвЕд-аем	вЕд-аем
ед-Аете	отъед-Аете	объед-Аете	обЕд-аете	отвЕд-аете	вЕд-аете
ед-Ают	отъед-Ают	объед-Ают	обЕд-ают	отвЕд-ают	вЕд-ают
ед-Ал	отъед-Ал	объед-Ал	обЕд-ал	отвЕд-ал	вЕд-ал
ед-Ала	отъед-Ала	объед-Ала	обЕд-ала	отвЕд-ала	вЕд-ала
ед-Ало	отъед-Ало	объед-Ало	обЕд-ало	отвЕд-ало	вЕд-ало
ед-Али	отъед-Али	объед-Али	обЕд-али	отвЕд-али	вЕд-али
ед-Ай	отъед-Ай	объед-Ай	обЕд-ай	отвЕд-ай	вЕд-ай
ед-Айте	отъед-Айте	объед-Айте	обЕд-айте	отвЕд-айте	вЕд-айте

Как видим, в глаголах с корнем *ед-* ударение расположено на суффиксе *-а-*, тогда как глаголы с корнем *вед-* имеют ударение на корне. При этом глагол *обедать* имеет ударение на корне как типичный глагол с корнем *вед-*.

Этимологи, связывающие *обед* с *едой*, явно находятся под гипнозом современной семантики глагола. Если они и замечают необъяснимость формы слова, то, похоже, предпочитают игнорировать её во избежание необъяснимости значения⁶.

Приняв как очевидное формальную выводимость глагола *обедать* из глагола *ведать*, обратим внимание на древность фонетической трансформации *БВ > Б* на суффиксальном стыке. По свидетельству историков языка, этот процесс по меньшей мере современен процессу смягчения согласных перед *ј*⁷, т.е. относится к 5-8 вв. н.э.⁸

Данное свидетельство формы необычайно важно, поскольку ориентирует нас не на современное значение слов *обед* и *обедать*, а на древнее значение, которое они имели на момент своего образования, т.е. задолго до 5 в. н.э. Чтобы понять исходное значение слов *обед* и *обедать*, необходимо обратиться к материальной и духовной культуре общества, находившегося на родоплеменном или даже первобытном этапе развития. Соответственно, следует обратить внимание на наиболее архаичную часть их современной семантики.

Во-первых, употребление слова *обед* хорошо сохранило социальный, формальный и обрядовый характер принятия пищи⁹.

Во-вторых, тесная связь *обеда* с ритуально отмеченным временем суток¹⁰ - *полуднем* - не менее очевидна, чем нагружен-

ность этого слова обрядово-ритуальной и сакральной семантикой¹¹. Приурочение обеда к другому времени представляется позднейшим и вторичным.

В-третьих, столь же не случайна и ритуально мотивирована пространственная привязка *обеда*, отразившаяся в наличии у слова значения '*юг*'¹² или '*юго-восток*'¹³.

(Обратим также внимание на то, что не семантика слов с корнем **ĕd-*, а именно семантика слов с корнем **vĕd-* оказывается максимально нагруженной сакральными, ритуальными и шире - социальными смыслами¹⁴.

Этот факт можно рассматривать как третий - семантический - аргумент в пользу наличия в слове *обед* корня *вĕd-*.

Каким же образом семантика знания, ведения могла превратиться в семантику приема пищи?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо реконструировать целостную семантику слова, которая складывается не только из семантики корня¹⁵, но и из семантики префикса.

Как следует из вышеизложенного, существительное *об(в)ед* мы считаем производным от глагола *об(в)едать*, который, в свою очередь, является приставочным производным от глагола *ведать*.

Обратимся к семантике приставки *об-* в словах *обедать* и *обед*, для чего прежде всего попытаемся хотя бы приблизительно определить относительную хронологию этих слов.

Рассмотрим слова, образованные по той же модели, что и слово *обед*. Как известно, именно в производных словах обычно сохраняются древнейшие значения произво-

дящих, которые сами производящие нередко со временем утрачивают, поэтому обращение к отглагольным существительным гарантирует лучшее сохранение древнейшей семантики, чем обращение к глаголам с приставкой *об-*.

Вот эти слова: *об-(в)ет*, *об-рок* (первоначально то же, что *обет*), *об-ряд*, *об-(в)ида*, *об-ман*, *об-мен*, *об-раз*.

Как видим, ритуальная и шире - социокультурная принадлежность этих слов налицо. Очевидно, что и по семантике, и по модели образования эти слова относятся, как минимум, к праславянскому периоду и отражают менталитет древних индоевропейцев.

Обратим внимание на семантику приставки *об-* как таковой, которая в современном русском языке группируется вокруг двух основных значений: “направить вокруг или во все, на все стороны чего-либо действие, названное мотивирующим словом” - *обезжать*, *осмотреть*, *ощупать* и т.д. и “направить мимо предмета находящегося на пути, действие, которое названо мотивирующим словом”, например, *обезжать*, *обойти*, *объехать* и т.д.”¹⁶

Нас будет интересовать тот центр семантики приставки *об-*, который организован концептом круга как символа всесторонности, всеохватности, целостности, единства.

Реконструируемая таким образом семантика всеобщего, охватывающего и объединяющего всех сакрального знания прекрасно описывает древний обряд жертвенной трапезы, жертвенного пира, связанного “с очень важным концептом “причащения едой”¹⁷. Ср. реконструируемую для и.-е. праязыка семему социального термина *t'aHr^[h] ‘ритуальные яства, преподносимые божеству и съедаемые во время праздничных церемоний’¹⁸.

О.М.Фрейденберг, специально исследовавшая роль и семантику еды в архаичных культурах, свидетельствует: “В первобытном обществе еда совершается сообща, и главарь разделяет пойманного зверя на части, которые раздает среди присутствующих. Таковы спартанские сисситии и афинские обеды в пританее: каждый получал свою долю в общественном столе, даровом, свя-

занном с общественной должностью”¹⁹. В православной традиции все участники обряда евхаристии причащаются “Святых Христовых Тайн”. Тем самым все они как бы становятся “со-ведающими” эти тайны. Таким образом, первоначально главное в ритуале *об-веда*, не еда, а при-об-щение²⁰ сакральному знанию. Еда же и питье - лишь способ, так сказать, “техника” этого причащения.

Семантика круга, единства, всеохватности ритуального действия и передается приставкой *об-*²¹.

Аналогичную внутреннюю форму О.М.Фрейденберг находит в греческих словах “* $\forall \supseteq \exists : \forall 4$ - ‘делить на части’, ‘растерзывать’, * $\forall \supseteq \text{H}$ - ‘пир’ (где у каждого равная порция, так называемый пир в складчину)”²².

Древний протославянский **ob-vědъ* был ритуалом, привязанным к полудню - моменту наивысшего положения солнца на небе, когда оно находится в южной стороне²³. Об общественной значимости обрядов жертвоприношения и участия в них для членов архаичных социумов можно судить, в частности, по римским свидетельствам о религиозной практике кельтов. “Ритуал жертвоприношения обеспечивал непрерывность времени, поддерживал его естественный ход. Поэтому “отлучение от жертвоприношений”, о котором писал Цезарь, воспринималось древними кельтами как тяжелейшее наказание: выброшенный из общества, такой человек терял возможность регулярно приобщаться к божественной сути [выделено мной - А.К.] и тем самым выпадал из круга времени”²⁴.

То, что *обеды* до сих пор устраиваются по любым сколь-нибудь значительным событиям в жизни коллектива или индивидуума, неопровержимо свидетельствует о том, что перед нами не просто “прием пищи между завтраком и ужином”, а именно социально значимый обряд, ритуал, призванный принести благополучие тому, кто его устраивает. Этнографам хорошо известно внутреннее родство *дара* и *пира*. *Пир* (*об-вёд*) как жертвоприношение был даром, приносимым богам в обмен на их благосклонность. Таким образом, современные обеды, устраиваемые в честь кого-, или че-

го-либо, являются, по существу, “отдарком” за дары свыше.

Неотлучна от *обеда* и семантика круга, формы солнца(!), как ритуально маркированной фигуры и символа жизни, единства, соборности, сопричастности²⁵.

Значение круга, его символики, семантики, семиотики для культуры трудно переоценить. Древнейшие бытовые (чум, юрта, вигвам, иглу) и культовые постройки имеют форму круга, которую до наших дней донесли цирк и стадион²⁶.

Так фонетический процесс, вызванный законом возрастающей звучности в слоге, преобразовавший в V-VIII вв. н.э. *обвѣдъ* в *обѣдъ*, способствовал народно-этимологическому сближению *обеда* с *едой* (для чего были основания и в самом ритуале), а тем самым - и перемещению слова из сакральной сферы ритуала в профанную сферу быта. В процессе профанизации, инициированной возникшей в результате фонетического процесса (*bv > b*) омонимией корней *вѣд-* и *ѣд-*, акцент с ритуала переместился на одну из его составляющих, сделав главным не цель – *вещую* сопричастность божественной сути, а средство – саму трапезу.

Наряду со словом *обед* социальным термином являлось первоначально и слово *беседа*. На это указывают “ст.-чеш. *beseda* ж. р. ‘развлечение’, ‘рассказ’, ‘приятное общение с друзьями’, ‘пир’, ‘садовая беседка’ (Ст.-чеш., Прага)”, в.-луж. *bjesada* ж. р. ‘беседа, общество, компания’ (Pfulil 20), польск. *biesiada* ж. р. ‘пир’ (Dorosz. I, 514), др.-русс. *beseda* ‘седалище, место сиденья’, ‘разговор в собрании’, ‘разговор с кем-нибудь’, ‘речь, слово, слова’, ‘речь, язык’ (Срезневский I, 83—84), русск. *беседа* ж. р. ‘разговор, преимущественно деловой или душевный’, ‘собрание, общество людей’, (обл.) ‘скамейка’, диал. *беседа* ‘деревенская вечеринка, посиделка’ (Куликовский 4), ‘вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения’, ‘пирушка’, ‘договор между родителями жениха и невесты о браке, сговор’, ‘свадьба; все участники свадьбы’, ‘группа пожилых крестьян, собравшихся посидеть, поговорить на заваulinke перед избой или на траве’, ‘сидение в гостях без приглашения’, ‘толпа, компания’,

‘прием’, ‘сиденья для ямщика в телеге’, ‘место для сидения’, ‘постройка в виде галереи, со столом и скамейками’, ‘общественная изба для крестьянской работы’ (Филин 2, 261—263), ст.-укр. *beseda*, *besēda* ж. р. ‘разговор’, ‘компанейское веселье, с угощением’ (Тимченко I, 85, 87—88), укр. *besida* ж. р. ‘разговор, беседа, речь’, ‘пир, пирушка’, ‘общество гостей’ (Гринченко I, 53), диал. *bēs'ida* ‘разговор’ (Чучка 309) [ЭССЯ, 1, 211]”.

Среди данного материала позднейшим является значение ‘разговор, обсуждение, обмен мнениями’, более ранним - ‘пир, общество гостей’, а самыми близкими к исходному этимологическому значению являются значения ‘садовая беседка’, ‘место для сидения’ и ‘постройка в виде галереи, со столом и скамейками’. Особенно хорошо эти значения сохранились в производном *беседка*, в котором они преобладают.

При этимологизировании большинство авторов недооценивает древности производного, как в формальном, так и в семантическом плане.

Современная форма слова образовалась в результате переразложения и переосмысления исконной формы слова, каковой мы считаем слово *оби-седа* с даже для русского языка редкой словообразовательной моделью на *оби-*.

По этой модели образованы старославянские, церковнославянские и древнерусские слова: *обиход* ‘правило, имущество’, *обиходити/ь*, *обизор* ‘позор, стыд, поношение, поругание, срам’, *обизыръети* ‘осматривать’, *обиступити* ‘осадить’, *обихыщати* ‘захватывать, похищать’, *обиток* (*Обиточная коса* на сев.-зап. Азовского моря и река *Обыточка* в бассейне Днепра)²⁷. Этот список может быть расширен за счет диалектного материала²⁸.

Этимологи практически единогласно возводят *о-* к *об-*, а последний к и.-е. **obhi-* Валентин Кипарский рассуждает следующим образом: “Принимая во внимание, что *об* встречается преимущественно в древнейших старославянских памятниках, а *объ*, напротив, только в Супрасльской рукописи (середина XI в.) или в древнерусском языке, вряд ли могло случиться, будь *объ* исконным, чтобы уже в Зографском, Ассемание-

вом и Мариинском кодексах встречались не единичные случаи, а последовательная утрата редуцированных»²⁹.

Из этого он делает вывод, что *объ-* является вторично восстановленной формой, а формы на *оби-* привнесены в русский язык украинскими писцами, как, по мнению В.Кипарского, правильно объяснил Хенинг Андерсен (Andersen 1969a, 1969b)³⁰.

Правда, не вполне ясно, как быть с тем фактом, что тексты с формами *объ-*, *объ-*, и *оби-* относятся к XI-XIII векам, т.е. к более раннему времени, чем украинский язык³¹.

Таким образом, “правильное” объяснение Х.Андерсена страдает анахронизмом. И это не единственный изъян объяснения В.Кипарского-Х.Андерсена. Как известно, украинский вариант приставки *оби-* соответствует русскому *ОБО-* < *ОБЪ-*. Например, *обозвать* (из *объзвати*) - *обізвати*. Редуцированный же приставки *ъ* прояснялся в *о* лишь в сильной позиции (перед слогом с редуцированным; см. выше). В слабой позиции редуцированный приставки утрачивался, что отражает и украинский язык: рус. *обзывать* - укр. *обзивати*. В словах *обигражати* “заграждать; стеснять”; *обиёдание*; *обиёхати*, *обизаряти*, *обисёдати*, *обисёсти*, *обисияти*, *обистати*, *обистояние*, *обистояти*, *обиступати*, *обиступити*, *обитекание*, *обитекати*, *обитечи*, *обиход*, *обиходити* и множестве родственных последнему, нет условий для прояснения *ъ* в *о*, а следовательно - и для появления украинского *і*, поскольку во всех приведенных случаях находим *и* перед слогом с гласным полного образования.

Показательно, что А.Мейе и в голову не приходило объяснять древнерусскую форму *оби-* из украинского языка, которому еще только предстояло возникнуть³².

Как видим, любое предположение о хронологической разновременности приставок с консонантной и вокальной финалью приводит исследователя к патовой ситуации.

Остается одно: предположить, что оба варианта существовали независимо и параллельно. Намек на такое решение имеется уже у А.Мейе: “**Наряду** [!! - выделено мной - А.К.] с *о*, *об*, соответствующим лит. *ар*, *аб*, существует в действительности форма с ко-

нечным редуцированным, *объ*, *объ*, соответствующая скр. *abhī* и встречающаяся в таких случаях, как ст.-слав. *объ-стояти* и *объстояти*, *объходити*, *объ-дръжати* и т.д.; именно форму *объ-* мы находим в производных типа ст.-слав. *объць* “общий” и в сложении типа *объдо* “богатство”, а усиленную форму *оби-* (ср. лит. *apy-*) - в др.-русск. *обиступити*, *оби-сёсти* и т.д. [Мейе 1951, с.124]”³³.

Поддержку позиции А.Мейе находим у Ю.Покорного: Возводя формы *объ-*, *объ-* к праформе **ebhi-*, *obhi-*, *bhi-*, он пишет: “Форма *о-*, *об-* содержит древнее **ор-* (лит. *ар*), см. **epi-*”³⁴.

Совершенно определенно в пользу такого решения высказался О.Н. Трубачев: “В слав. реконструкциях принимали нередко обобщенную форму *оби-* (*объ-*) (см. Miklosich 219), но едва ли не с неменьшим основанием восстанавливается также *об-* с чистым исходом..., а случаи на *объ-* чаще вторичны; сказанное разумеется, не касается архаичных примеров вроде **объ-do*, к тому же, реальность сложений на **оби-* (с долгой) позволяет признавать в слав. отражение двоякого **ob(i)̄-* (ЭССЯ 26, 73)”.

По-видимому, и семантическую неоднородность предлога *о*, *об* и приставки *об-*, *объ-*, *оби-* можно связать с различием в происхождении. Мы имеем в виду, с одной стороны, семантику направительности-направленности, которую можно объединить вопросом “куда?”, а с другой стороны, семантику круга, всестороннего охвата объекта.

Подробности фонетической трансформации *объ* > *объ* также хорошо известны: “В связи с редуцией конечного слога происходило отверждение согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время, и в доисторическое и в их истории. Так, например, было с согласным *t'* в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (-*тъ*); в одних языках раньше, в других позднее происходило это отверждение. В раннее время, до IX в., произошло отверждение *t'* (в -*тъ*) в тех группах, которое легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: *тъ* → *ть*... Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с

окончанием *-ть*: *несет, несѣть, хвалѣть*... Рано отвердел *t'* в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западнославянских. Позднее происходило отверждение *t'* в восточнославянских. Так северно-русские памятники письменности XI-XII вв. представляют это окончание в виде *-ть*³⁵.

Таким образом, несмотря на то, что древнерусские памятники моложе, они отражают более архаичное состояние, чем старославянские, а следовательно, не остается никаких оснований видеть в *оби-* украинизм.

В свою очередь, процесс отверждения совпал по времени с выравниванием всех приставок, оканчивавшихся на согласный, по образцу приставок **въ, съ, къ*, утративших к тому времени конечный *n*. Выравнивание это (как и утрата конечного согласного предлогами-приставками **въn, къn, съn*) было связано с действием закона возрастающей звучности в слоге. Вокализация финалей приставок, оканчивавшихся на согласный, позволяла устранить его нарушения на приставочном стыке. Таким образом, в форме *объ-* совпали ранние (протославянские) приставки из *объ-* и поздние (праславянские) - из *об-*, возникшие в результате аналогического выравнивания приставок в период действия закона возрастающей звучности в слоге.

Поскольку предлог и приставку *об-* единодушно возводят к и.-е. *obhi-*, отметим, что именно *объ-* представляет собой закономерный рефлекс и.-е. праформы. Следует принять во внимание, что в праязыке кроме *ebhi-*, *obhi-* и *bhi-*, имелось также слово *epi-*, *opi-*, *pi-*; оба "частично совпадали по значению"³⁶. Принимая точку зрения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, согласно которой придыхательность не была фонологически значимым признаком³⁷, мы получаем ситуацию, при которой признак звонкости-глухости "частично" не выполняет смысловозначительной функции, а следовательно, появляется основание видеть в двух разных словах и.-е. праязыка "частичные" варианты одного слова.

Вслед за А.Мейе, все дружно указывают на то, что в славянском *об-* совпали *ebhi-*, *obhi-*, *bhi-* и *epi-*, *opi-*, *pi-*, семантика которых со временем унифицировалась³⁸.

Говоря о семантике, отметим, что префиксальная семантика круга, охвата, столь важная и яркая в славянских языках, наличествует лишь в рефлексах архаичной латыни, германских и балтийских языков. Предположение же о совпадении в славянском **obi-* и.-е. **obhi-* и **ambhi-* (ЭССЯ 26, 73-74), несмотря на некоторые фонетические затруднения (бесследное исчезновение *m*), решает все семантические проблемы.

Таким образом, есть основания видеть в слове *беседа* искаженный вариант весьма архаичного имени **оби-сѣда*, производного от исторически засвидетельствованного глагола *оби-сѣсти* 'Осадить, окружить' (СлРЯ XI-XVII вв. 12, 55). Первоначальная семантика этого глагола хорошо сохранилась в литовском языке. Ср. *ap-sesti* 'обсесть, обседать (кого-что); сесть (садиться) вокруг (кого-чего)' (Косухин, Либерис 1956, 34). Древнерусские тексты дают и употребление глагола *обсѣсти, обьсѣсти* - в том числе и с древним значением 'Сесть, расположиться вокруг': "*Обсядутъ бо ны и друзи наши, совѣты творяще, кое убо былии ключается на оздравление наше*. Посл. Ив. Гр., 189. XVII в. ~ 1573 г." (СлРЯ XI-XVII вв. 12, 168).

Рассмотрим возможные причины и механизм превращения *обисѣды* в *беседу*. Как известно, предлоги *въn, къn, съn*, отсутствуют в старославянских памятниках: "уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде *въ, къ, съ*"³⁹. Это привело к тому, что на стыке предлога и существительного возникла позиция нейтрализации, представление о которой даёт строка из песни "Вдоль по Питерской": "*Во пиру я была, во беседушке*"⁴⁰. Эта строка может с равным успехом передавать как предположительно исконную предложно-падежную конструкцию "*въ обиседушке*", так и её современную, полученную в результате переразложения, версию: "*во беседушке*". Поскольку главной семантикой предлога-приставки **obhi* была направительная, то, естественно, что наиболее употребительным предлогом, предшествовавшим слову **обисѣда*, был именно предлог *въ* (из **въn*), что постоянно создавало условия для осмысления начального гласного как принадлежащего предло-

гу: **въ обисѣду*, **въ обисѣде*. Поскольку это было одно фонетическое слово, то звучало оно как [въб'э'с'ѣду], [въб'э'с'ѣд'ь]. Механизм переразложения представляется следующим: 1-ый этап - соположение, приводившее к стечению двух одинаковых гласных: [въ_ъб'э'с'ѣд'ь]⁴¹; 2-ой этап - стяжение гласных: *ъъ > ъ* [въб'э'с'ѣд'ь]; 3-ий этап - переразложение: осмысление *въ* как предлога, а остатка существительного *бес ѓ-* (в силу неинтерпретируемости сегмента *би-/бе-* в начале русского слова) - в качестве самостоятельного корня [въ_б'э'с'ѣд'ь].

Как и в случае со словом *обед*, утрата словом внутренней формы (в данном случае - связи с глаголом *сидеть* и приставкой *оби-*) сопровождалась его переосмыслением: на первое место вышел наиболее актуальный в новое время и в новой ситуации аспект ритуала - 'разговор, обмен мнениями'. Многообразие семантики указывает, что ведущими могли представляться и другие аспекты ситуации: 'пир', 'развлечение', 'компанейское веселье с угощением', 'вечернее собрание' и т.д. (ЭССЯ 1, 211).

Если во втором предупредительном слоге происходила нейтрализация оппозиции *ъ:о*, то в первом предупредительном - оппозиции *и:е*. Написания *обѣ-*, наряду с *оби-*⁴² свидетельствуют о том, что имела место также фонетическая нейтрализация оппозиции *и:ѣ*. Показательно также наличие вариантов *обсѣсти - объсѣсти - обисѣсти*; *обсияти - объсияти - обисияти*; *обступити - объступити - обиступити*; *обстояти - объстояти - обистояти* в древнерусских текстах (СлРЯ XI-XVII вв. 12).

Двойственность семантики приставки *оби-/об-* проявляется в оппозиции: *замкнутый круг ↔ разомкнутый круг*. Замкнутый круг является символом целостности, единства, абсолюта, а разомкнутый круг утрачивает все эти свойства, вступая в невыгодную для себя оппозицию с прямой линией. В итоге две оппозиции, имеющие общий член, составляют триаду: '*замкнутый круг ↔ разомкнутый круг = кривая ↔ прямая*'. С аксиологической точки зрения эта триада имеет вид "[+] ↔ [-] ↔ [+]", крайние члены триады составляют позитивные ценностные концепты, а средний - негативные.

К первой из оппозиций приставочных значений восходят такие оппозиции глагольных ЛСВ, как *обойти всех (каждого) ↔ обойти (миновать) кого-л. одного*; *обнести всех (каждого) ↔ обнести (миновать) кого-л. одного*.

К семантике 'разомкнутого круга = кривой' как раз и восходит значение приставки *об-* 'миновать кого-что-л. по окружности, по кривой'⁴³.

Именно это значение и позволяет объяснить происхождение глагола *обидеть* (< *об-видеть*), неочевидность связи значения которого со значением глагола *видеть* ставила в тупик А.Г. Преображенского (Преображенский 1, 627), да и по сей день не имеет внятного объяснения в этимологических словарях.

Речь идет о ситуации, по существу, хорошо нам известной: "*В одно собранье Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его не видят, с ним ни слова; У! как теперь окружена Крещенским холодом она!* (А.С.Пушкин, "Евгений Онегин", гл. VIII, XXXIII)". Все дело в том, что Онегина намеренно, демонстративно не видят, потому что **обходят, минуют взглядом**. Когда тебя нарочно не замечают, это, действительно, обидно, поэтому развитие значения 'обидеть' из значения 'обойти видением', представляется вполне прозрачным.

Обизор "позор, стыд, поношение, поругание, срам" - производное от глагола *обизрети*, как и *позор*, при котором виновник "выставляется на позор", т.е. на всеобщее обозрение и поругание (ср. современный армейский ритуал разжалования перед строем или гражданской казни - в России XIX в.), принципиально отличается от *обиды*. Тут тебя не обходят вниманием, а напротив - за какую-то провинность помещают в центр всеобщего внимания, что не обидно, а позорно.

Тем самым есть основание для соотношения первоначального значения приставки *об-* с семантикой разомкнутого круга (на это указывает и семантика слов *озор* из *об-зорь*, *озорной*, *озорник*, тот, кто *озирается*, *осматривается*, *оглядывается*⁴⁴, собираясь сделать нечто опасное, предосудительное)⁴⁵ а приставки *оби-* (*обь-*) с семантикой замкнутого круга.

Что касается семантики глаголов *зазирать*, *завидовать* и их производных (*зазорный*, *зависть*), то семантика приставки *за-* в качестве одного из вариантов прямого значения предполагает направленность действия внутрь пространственного ориентира, мыслимого как замкнутое пространство (Волохина, Попова 1993, 56-57, 59). Следует уточнить - речь идет о том, пространстве, вне которого находится субъект действия, т.е. о “чужом” для него пространстве. Таким образом, *зависть*, это постоянное смотрение на “других”, постоянное сравнение себя с другими, проистекающее из того, что человек ‘считает себя обделённым в каком-либо отношении’. Если человек так не считает (не завидует), он интересуется своими, а не чужими делами, *присматривает*, *приглядывает*, *призирает* за своим, держит под *приглядом*, *призором* своё, а не за чужое.

Рассмотрим теперь семантику слов *обисести*, **оби-седа* и попробуем разобраться, почему “сесть кругом, вокруг чего-либо” первоначально имело сакрально-ритуальный смысл. Для этого необходимо доказать, что *круг* и *сидение* были ритуально маркированы, отягощены сакральной символикой. Поскольку относительно концепта ‘круг’ это уже установлено, обратимся к анализу концепта ‘сидеть’.

Начнем с того, что язык, особенно в своих истоках, построен на бинарных оппозициях. Это справедливо и относительно глаголов положения в пространстве. Для обозначения положения в пространстве предметов и живых существ, как правило, используется два глагола. Один из них обозначает нормальное (а значит - немаркированное) положение предмета или существа в пространстве, а другой - аномальное и маркированное. Например, *стакан*, *бочка*, *стул*, *автомобиль*, *жито*, *подсолнух*, *дерево*, *животное*, *человек* может *стоять* (норма) или *лежат* (аномалия). *Корова*, *лошадь пала* - значит, ‘умерла’; *человек пал*, значит, ‘погиб’, *слёг*, значит, ‘заболел’, и напротив - *на ногах*, значит, ‘жив, здоров’. Ничего не меняет и употребления глагола *сидеть* для обозначения нормального положения в пространстве: *воробей*, *пчела*, *муха*, *комар сидят* (норма) или *лежат* (аномалия); *мор-*

ковь сидит в земле (норма) или *лежит на земле* (аномалия); ничего не меняется и с появлением в оппозиции глагола *висеть*: *яблоко*, *груша*, *шишка*, *вишня*, *слива висит* (норма) или *лежит* (аномалия) - пара “норма ↔ аномалия” остается неизменной. Тюркские языки вообще имеют исконно специализированные корни для выражения только двух положений в пространстве: нормального и аномального.

Таким образом, столь привычная нам триада *стоять* ↔ *сидеть* ↔ *лежать* отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся, а напротив, заслуживает всяческого удивления. Начнем с того, что круг субъектов, способных занимать все три положения весьма узок: человек и человекоподобные (обезьяны, медведи) или очеловеченные (одомашненные) животные.

Обратим внимание и на другое: наиболее древней семантикой глагола *сидеть* является отнюдь не ‘занимать определенное положение в пространстве’, а ‘покоиться, находиться в одном месте’ в отличие от ‘двигаться, перемещаться, менять место пребывания и обитания’. Это древнее значение хорошо сохранилось в семантике прилагательного *оседлый* и глагола *осесть* в противоположность прилагательному *кочевой* и глаголу *кочевать*, как частному случаю движения. *Сидеть* первоначально входило в оппозицию “**перемещаться** ↔ **покоиться**; **двигаться** ↔ **не двигаться**” и обозначало именно неподвижность. В свете этой оппозиции вполне понятно, почему птицы и летучие насекомые *сидят*: они либо ‘двигаются’ (*летают*), либо ‘покоются, не летают’ (*сидят*)⁴⁶.

Показательно, что даже те птицы, которые не *сидят*, а *стоят* (как например, *цапля*), всё же *салятся* на землю, а не *становятся* или *останавливаются*. Между *стать* и *сесть*, в равной мере противопоставленных как статальные глаголы глаголам динамическим, налицо противопоставление по признаку ‘временный (*стать*) ↔ окончательный (*сесть*) перерыв в движении’. И то, что птица, *сев*, может снова взлететь, ничего не меняет: это будет уже новый полёт. Точно так же и люди, *о-сев*, *по-селившись* в одном месте, могут *пере-селиться* в другое - и это будет уже не *по-*, а *пере-селение*.

Подтверждения значения неподвижности у слов с корнем *сѣд-/сид-* находим в чешском *sidlo* “местонахождение, сидение” (Фасмер III, 596), в русских словосочетаниях *сидеть без дела; сидеть, сложив руки* ‘бездействовать’, в семантике самого глагола *сидеть*: “Находиться в неподвижном [!! - А.К.] положении, при котором туловище опирается на что-л. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты; **находиться где-л.**, занимая место для сидения 3. **находиться, пребывать где-л.**, проводить время где-л.; **находиться, пребывать** в каком-л. состоянии” [выделено мной - А.К.] (РЯССС, 505).

Не менее красноречивы и показания латинского языка: лат. *sedeo*, 1) сидеть, восседать, 3) оставаться, находиться; сидеть без дела; (замкнуто) жить, пребывать; *воен.* стоять; 8) оседать, садиться, опускаться; 10) утихать, улечься (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь, М., 1976, с.912-913); **s d s** 1) сиденье, седалище, кресло; 2) место жительства, жилище, обиталище. место-пребывание; местонахождение; 3) место отдохновения; место успокоения; 4) почва, основание, устой; 5) *ритор.* остановка (во фразе), пауза (Дворецкий 1976, 913).

В старославянском языке **с стн** означает не только ‘сесть’, но и ‘взойти на престол’, а также ‘осесть, поселиться’ (СтСл, 678). Соответственно глагол **с д ти** означает не только ‘сидеть’, но и ‘править, сидеть (на престоле)’, а также ‘находиться, пребывать, жить’ (СтСл, 678).

Итак, первоначальное значение глагола *сидеть* ‘не двигаться; пребывать в неподвижности’ мы выявили. Теперь обратим внимание на то, как этот глагол вошел в отношения с глаголами положения в пространстве. Очень важным оказывается его промежуточная, срединная, медиальная роль между нормальным (*стоять*) и аномальным (*лежать*) положением человека в пространстве. Срединное положение является в культуре отмеченным положением. Главный герой мифов и сказок - медиатор, посредник между мирами.

О.М.Фрейденберг отмечает “священный характер акта сиденья” и его семантику как “преодоление смерти”, “сидящий” аналогичен богу, ‘сиденье’ - это тот же стол типа

стола, “вместилище божества или человека”. Вспомним древние ритуалы - *сидят цари*, а подданные *стоят* (или простираются ниц) перед ними. Вспомним колоссальные каменные изваяния сидящих египетских (божественных и обожествляемых) фараонов⁴⁷.

В этом свете предстает совершенно очевидным, что **оби-сѣда* так же, как и *об-вѣдь*, была ритуалом жертвоприношения, который сопровождался трапезой, возлияниями, песнями, плясками. *Обиседа* была одновременно и храмом, и общественным собранием, и судом⁴⁸.

Подведем предварительные итоги. Мы обнаружили два древних славянских ритуальных термина, в равной мере восходящих к обряду жертвоприношения: **об-вѣдь* и **оби-сѣда*. Оба ритуала связаны с семантикой и символикой замкнутого круга как сакральной, магической, ритуально отмеченной фигуры. Наличие этой семантики и символики в других древних культурных терминах: *об-вѣть*, *об-рок*, *об-ряд*, *об-мен*, *об-ман*, *об-вида*, *оби-зор*, *хоровод* свидетельствует о той важной роли, которую играл круг в культуре и ритуалах древних славян.

Оба термина, хотя и по-своему, обозначают ту же реальность, которую обозначает и ещё один древний культурный термин - *пир*. Поскольку наука знает ритуалы, состоявшие в жертвенных возлияниях в честь богов, то предположение Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова о том, что первоначально корень ***r^hoH(i)-** означал не просто ‘пить’, а ‘пить опьяняющие напитки’ (Гамкрелидзе-Иванов II, с.702-803), кстати, наиболее уместные в магическом ритуале, представляется вполне оправданным⁴⁹. На это указывает и слово *пиво*, обозначающее хмельной напиток, и однокоренное ему слово *пир*, обозначающее, таким образом, ритуал, главной частью которого было жертвенное возлияние⁵⁰.

Следовательно, в обиходе древних славян различались как минимум два ритуала: полуденный (и летний) - **обвѣдь*, вечерне-ночной (и осенне-зимний) - **оби-сѣда*. Учитывая весьма архаичную форму существительного *пир* и то, что он сохранился лишь в южнославянских языках (в русском - из старо- и церковнославянского), а также прини-

мая во внимание регулярное соседство *пира* и *беседы*⁵² (которая представлена во всех славянских языках), можно предположить, что в севернославянских языках архаичный термин *пир* был вытеснен относительно более новым термином **оби-сѣда*.

В.Н.Топоров⁵³, справедливо отмечая системные связи глаголов положения в пространстве с глаголами движения и друг с другом, на наш взгляд, чрезмерно акцентирует фазу вхождения в вертикальное положение (**vъz-stati*) в ущерб фазе движения (например, *хождения*), которая предшествует фазе неподвижности в том же самом положении (*стояния*). Такое смещение акцентов вполне понятно и уместно при исследовании “сверх-эмпирического” смысла глагола *стоять*, но приводит к искажению общей картины (в том числе и для мифопоэтического сознания) при расширении круга исследования. Поскольку безусловной нормой жизни является движение, а безусловной аномалией – неподвижность, *стояние*, действительно, предстает как культурно отмеченное парадоксальное состояние - как аномалия (неподвижность) в норме (стоянии). Прими исследователь во внимание это соображение, может быть, ему не потребовалось бы возвышать ритуальную значимость “стояния” за счет в значительно большей степени аномального и маркированного “сидения”, что прекрасно показано самим же исследователем (см. ниже).

Замечание В.Н.Топорова о большом богатстве аномальных членов оппозиции безусловно справедливо именно потому, что в языке (и вообще - в культуре) в маркировании нуждается - и всегда маркируется (!) - именно аномалия, а маркирование - это всегда дополнительная (по сравнению с нормой) информация.

Далее В.Н.Топоров пишет: “Действие “сидение” промежуточно-связующего характера между двумя “абсолютными” крайностями, выражающимися в соответствующих им положениях-позах, - стоянием и лежанием, исключительной вертикальностью и исключительной горизонтальностью. Сидение предполагает или одну вертикаль (туловище и голова, например, в ситуации сидения на земле) или две вертикали (туловище и голова, ноги ниже колен, например, в

ситуации сидения на стуле), соединенные горизонталью (опора верхней части тела при сидении), и, следовательно, оно в одном отношении разделяет общие черты со стоянием, в другом - с лежанием. Исключительность “сидения”, отличающая его и от “стояния” и от “лежания”, состоит в том, что оно ориентировано прежде всего на человека, в гораздо меньшей мере на животных (достаточно крупных обычно и относящихся к млекопитающим, а из мелких - к птицам)⁵⁴ и вовсе не свойственно ни вещам (если только это не “игрушечное” изображение человека и животных), ни объектам неживой (включая сюда и растения) природы, хотя они могут кодироваться (в разгадке) через мотив “сидения” (Топоров 1996, 49)”.

Тут исследователь, справедливо отметив вхождение “сидения” в оппозицию “движение - неподвижность”, не отрицает использования глагола *сидеть* применительно в предметам и растениям (ибо тут же приводит примеры: *плеть гороха, капуста, лук, морковь, редька (в земле), сучки (в бревнах), очки (на носу), помело (на палке) - “сидят”*, и это их нормальное положение), а подчеркивает, что *сидят* они не так, как люди, что лишь людям и человекоподобным свойственна триада положений в пространстве.

В свете сказанного представляется небесспорным разделяемое В.Н.Топоровым мнение о том, что первоначально и.-е. корень **sed-* обозначал перемещение в сидячем положении, т.е. верхом или в повозке, на носилках, etc⁵⁵.

Первоначально данный корень мог обозначать только окончательное прекращение движения (по горизонтали - ср. *осадить коня*), связанное с понижением в пространстве. Поэтому понятна аналогия между прекращением движения птицы, которая, садясь, снижается и прекращением пути всадника или возницы, которые, переходя к оседлому образу жизни, спешиваются, т.е. в известном смысле также снижаются.

Именно в наличии концепта “снижения, понижения” (“сверху вниз”) можно видеть ритуальную “слабость” концепта сидения по сравнению с концептом “стояния”. Но ритуальная “приниженность” “сидения”

компенсируется тем, что в “сидячих” ритуалах также имеется концепт “снизу вверх”: их участники не сидят, а “*воз-седают, пред-седают*”, а перед этим “восходят” на специально предназначенные для них возвышения (стол, пре-стол, трон, кафедра и т.д.).

Впрочем, ритуальной значимости “сидения”, в принципе, не отрицает и В.Н. Топоров, говоря о кинемах “*ложения-лежания*” (горизонтальное положение, низ) и “*сажания-сидения*” (горизонтально-вертикальное положение, ни верх, ни низ) как “отчасти также ритуализуемых (Топоров 1996, 33)”.

Если принять во внимание реконструируемое для древних индоевропейцев “проецирование отношений между ‘свободным’ и ‘несвободным’ на отношения между ‘богом’ и ‘человеком’ и представление о ‘человеке’ как ‘несвободном’ по отношению к ‘богу’ (Гамкрелидзе, Иванов 1993, Т.2, 440, 480.)”⁵⁶, то зная, что “человек” стоит перед “богами” и сидит перед “несвободными” по отношению к нему людьми, нельзя не согласиться с О.М.Фрейденберг в том, что “сидящий аналогичен богу”, а “сидение” - это божественная поза - “сильная” в ситуации одновременного сидения и стояния участников ритуала: стоит - проситель, сидит - даритель, податель благ. Таким образом, в ритуале магично само “*вз-ставание - воз-стание*” обращаящегося к богам, как кинема, свидетельствующая о направленности, так сказать, “*устремленности*” ритуала, а стояние, обладая необходимой для ритуальной позы амбивалентностью (*аномальная*, ибо неподвижная, *нормальность*, ибо стояние), кроме того, является позой просящего: жрец в ритуале *стоит* не потому, что это самая “сильная” поза, как полагает В.Н.Топоров, а потому, что он верит, в то, что боги, которых он молит о ниспослании благ, в этот момент внимают ему *сидя* на своем небесном *престоле*⁵⁷.

Следовательно, *беседа* является, несомненным первоначальным именованьем архаичного ритуала, маркированным самой сильной⁵⁸ и самой амбивалентной⁵⁹ из человеческих поз – позой сидения.

Таким образом, *об-вѣдь* и *оби-сѣда* (обозначающие два архаичных и почти тождественных по содержанию ритуала с кру-

говым размещением его участников и с за-стольем-жертвоприношением богам, обеспечивающим единение социума, причащение его членов кругу времен через совместное вкушение пищи) находятся в отношении дополнительного распределения, будучи противопоставлены по следующим оппозициям: **подвижность (обед) ↔ неподвижность (беседа); под богом, вне дома (обед) ↔ под крышей, в доме (беседа); юг (обед) ↔ север (беседа); солнце (обед) ↔ луна (беседа); полдень (обед) ↔ полночь (беседа); лето (обед) ↔ зима (беседа), молчание (обед) ↔ речь (беседа); сдержанность (обед) ↔ веселье (беседа); еда (обед) ↔ питье (беседа); слабая (стоя)⁶⁰ позиция участников (обед) ↔ сильная (сидя) позиция участников (беседа)⁶¹. Первоначально ни еда (*обед*), ни речь (*беседа*) не составляли главного содержания ритуала, хотя и являлись его неотъемлемыми составляющими.**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹“Сложение *ob-* и корня *ѣd-*...” (ЭССЯ 26, 183).

²“Это слово по-прежнему может считаться спорным по происхождению, хотя в ходе этимол. дискуссий некоторые моменты выяснились достаточно определенно» (ЭС-СЯ 1, 211).

³Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1971, 296; полнее – в (ЭС-СЯ 26, 183-184).

⁴“принятие пищи, обычно в середине дня в отличие от завтрака и ужина. БАС-1, т.8, 69”; “основной прием пищи, еда (обычно в середине дня)”. - Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. - СПб.: Норинт, 1998, 664 (БТС).

⁵Полнее смотри у В.Кипарского: Valentin Kiparsky, Russische historische Grammatik. Band III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, 321-325.

⁶В этой связи показательна позиция А.Г. Преображенского в сходной ситуации. Выбирая между возведением слова *обида* к *беда* или к *видеть*, он замечает: “На чьей стороне истина, сказать трудно. Во всяком

случае первым толкованием удобней объясняется значение (Преображенский 1, 627)".

⁷Ср. у А.Мейе: "Что касается *bv*, то оно редуцируется в *b*. **w* поглощается предшествующей губной согласной, точно так же, как *j* поглощается предшествующей зубной или задненёбной (А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, 115)".

⁸Shevelov, A Prehistory of Slavic, 633

⁹ОБЕД

//Дневной прием пищи, устраиваемый как угощение, с приглашением гостей [Выделено мной - А.К.].

Званный, парадный и т.п. обед

Давать, задавать обед, обеды. [БАС-1, т.8, к.69]

Особенно богатый материал дают народные говоры.

"ОБЕД 1. В сочетаниях.

Бирючий (волчий) обед - В дореволюционное время - обед, устраиваемый старичным правлением для казаков. б) обед в складчину на паях

Красный обед - Парадный обед

3. Угощение после похорон в память умершего; поминки.

4. В сочетаниях, обозначающих обряды.

Дружков обед. Обед у молодого на третий день после свадьбы.

Жирный обед. Праздничный обед по случаю рождения ребенка.

Званный обед. Обед через три дня после свадьбы, после которого молодая жена получает от родителей свое приданое.

Красный обед. Обряд, сопровождающий или завершающий свадьбу.

Повивальный обед. Угощение по поводу надевания головного убора на невесту.

В обрядах, сопровождающих крестины - сбор гостей в первое воскресенье после крестин.

Обэдик, а, м. Поминальный обед с небольшим числом гостей. [СРНГ, вып. 22, с.25-27]".

¹⁰"Подобно солнцу, но с более очевидной зависимостью от движения солнца по небосводу, сутки делятся на день и ночь, а "межевыми" временными рубежами оказываются утренняя и вечерняя заря (рассвет и закат), а также полдень и полночь. _ _ _ ...на рассвете или закате и одновременно на полевой меже предпочтительно колдовать и

врачевать, заговаривать заговором..., а в полночь и в полдень следует опасаться действия сверхъестественных мифологических существ и бесов..." с.24; "полдень - ...очень опасное время суток". (Толстой Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян) //Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е.Янко - М., 1997, 25)

¹¹"Принятие пищи, обычно в середине дня [Выделено мной - А.К.] в отличие от завтрака и ужина.// Разг. Обеденная пора, середина дня.

к обеду, в обед, до обеда и т.п. [БАС-1, т.2, с.110-119].

"Обед, 5. Мн. Обеденное время; полдень.

В обедах (в обедах). В полдень.

Солнце (солнышко) в обед, в обедах, в обедах. О положении солнца в 12 часов дня [СРНГ, вып. 22, с.25-26]".

¹²Обед, 8. Юг. *Его хата хорошо поставлена: окнами на **обед**, увесь день солнце.* Бобр. **Ворон.**, 1907; **2. Обедник**, //Южный ветер. **Обедник**, 3. //Южный ветер. 4. //Юг. К зимовью идти на обедник. Усть-Уфим. Иркут., 1970; **Обедничный**, Южный. *Посмотри под сторону обедничну.* Север. 1951 [СРНГ, вып. 22, с.26-27].

¹³**Обеденник**, 1. Юго-восточный ветер. 2. Юго-восток. **Обедник**, 3. Юго-восточный ветер. //Южный ветер. 4. //Юг. К зимовью идти на обедник. Усть-Уфим. Иркут., 1970.

¹⁴Глагол *ведать* в современном русском литературном языке имеет следующие значения, характеризующиеся с одной стороны, как торжественные, поэтичные, а с другой, как устаревшие и относящиеся к социальной терминологии.

1. Знать что, иметь понятие, сведение о чем-либо (употр. с оттенком торжественности в поэт. языке, в старом и областном, чаще с отрицанием **не**).

1.0.1 *Устар.* Обладать даром предвидения, прозорливости; знать, отгадывать (о так наз. колдунах, знахарях, гадалках и т.п.) *И тогда поднялся птицеведатель зоркий, Старец Кальхас Фесторид, из вещателей самый премудрый: **Ведал** от все настоящее; **ведал**, что было, что будет..* Жук. Отр. из Илиады, 1.

2. Испытывать, ощущать, чувствовать. *Не ведать колебаний, покоя; ведать любовь.*

3. Управлять, заведывать, распоряжаться чем-либо.

3.0.1 *Устар.* Ведать кого-, что-либо - иметь в своем распоряжении или при смотре. *Ведать город, Бог весть.*

ВЕДАТЬСЯ 1. Иметь дело, общаться, знаться с кем-либо или между собою.

1.0.1 *Юрид. Устар.* Ведаться судом. - разрешать спорные дела при помощи суда.

ВЕДЕНИЕ 1. Управление, наблюдение, распоряжение.

ВЕДОВСТВО *Устар.* По суеверным представлениям - сверхъестественные знания, ворожба.

ВЕДУН, ВЕДУНЯ *В просторечии.* Знахарь, колдун; знахарка, колдунья.

ВЕДОВСКИЙ и ВЕДОВСКОЙ *Устар.* *Старые архивы богаты актами по части ведовских дел.* Забелин, Русск. народ, его обычаи..., 230.

ВЕДЬМА В мифологических представлениях - женщина, имеющая общение с нечистой силой; колдунья, чародейка.

ВЕДЬМАК *Устар. и обл.* Знахарь, колдун; оборотень [БАС-1, т.2, с.110-119].

Сюда же прилагательное *обёжный* {об-вёд=й=ьн_ый-} из *обёжь* {об-вёд=й_ь} или *обёжа* {об-вёд=й_a}, ср. *не-вежа, вежливыи*. **Обёжный** *Обёжная* книга. В суеверных представлениях - святая книга. *Не продажна обёжна эта книга, вот что-либо болит, вот обвечнишься, эту книгу пролистать, так и пройдет.* Пинеж., **Арх.**, Симина, 1959 [СРНГ, вып. 22, с.28].

Ритуально отмечены также освоенные христианским культом производные от того же корня слова *заповедь* 'божественный запрет', *исповедь* 'таинство покаяния', *проповедь* 'религиозно-назидательная речь, часть церковного богослужения', а также родственные им глаголы и прилагательные с теми же приставками.

¹⁵Связь сфер 'ведения' и 'поглощения', представленная в глаголе **ОТВЕДАТЬ** (1. Есть, пить немного для определения вкуса чего-либо; пробовать. *О. добычи, вина, штурделя.* 2. Испытывать, познавать на опыте. *О. силу просьбы, слякоть, распути-*

цу, гололедицу, горя. С 1731 г. - в словарях (БАС-1), в данном случае малосущественна, поскольку отражает поздние представления о знании, а не архаичные - о сакральном сверхъестественном Ведении. Не случайно *ведать* означало не только 'знать', но и 'иметь в своей власти, управлять'. Последние значения сохранились не только в архаичных словосочетаниях типа *ведать город*, но и в семантике существительного *ведомство*, в прилагательном *подведомственный* (буквально: "находящийся под чьим-либо ведомством", ср. *под властью, под игом*) и т.п.

¹⁶Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. - М.: Рус. яз., 1996, с.304; 306.

¹⁷Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Перев. с фр. /Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С.Степанова. - М.: Прогресс-Универс, 1995, С.66.

¹⁸Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, кн.2, Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984, с.701.

¹⁹Фрейденберг О.М.. Поэтика сюжета и жанра. /Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997, с.59.

²⁰Этимологически слово *общий* содержит морфему *объ-*.

²¹Обычай пить спиртные напитки вкруговую, известен у многих народов, по видимому, имеет архаические корни. <...> Необходимость равного причащения к спиртному напитку объясняется так же, как потребность делиться пищей и угощать гостей, — представление что **пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом**. В более развитых культурах питье вкруговую значительно усложняется и приобретает ритуализованный характер. <...> На Руси существовавшие серебряные сосуды, специально предназначались для питья вкруговую, в XII в их называли "чарами", в XV—XVII вв. — "братинами" (Байбурин А.К., Топорков А.Л. Истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990, 149).

²²Фрейденберг О.М.. Поэтика сюжета и жанра. /Подготовка текста, справочно-

научный аппарат, предварение, послесловие Н.В.Брагинской. М.: Лабиринт, 1997, с.307.

²³Ср. у О.М.Фрейденберг, отмечающей “долгие следы в последующих бытовых и богослужебных действиях еды, которые сохраняют приурочение к определенным состояниям солнца”. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. /Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н.В.Брагинской. М.: Лабиринт, 1997, с.65.

²⁴Михайлова Т., Друиды и религия древних кельтов. // Энциклопедия для детей. Т. 6. Ч. 1. Религии мира. - 3-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. - М., Аванта+, 1997, с.161.

²⁵Следы этой семантики легко просматриваются в поэзии. Например. *На обед у бригадира мы пришли ватагой всей... Трижды чарка обходила [!]-А.К.] Боевых дружков-гостей.* Грибач. Рожь. *Ковши круговые, напелясь шипят На тризне печальной Олега.* Пушкин.

Диалекты знают следующие социально отмеченные значения и контексты слова *круг*.: “Собрание лиц одного возраста или общественного положения для общего занятия; *Молодецкий круг* Фольк. О друзьях, товарищах жениха; *Каличий круг* Фольк. Собрание, сходка калик; *Круг рыбаков*. Собрание рыбаков; Устар. Группа ямщиков, устанавливающая и поддерживающая определенную цену за поездку, в которой принимает участие тот, кому выпал жребий ехать; Устар. Сбор, собрание рыбаков и скупщиков рыбы; Группа работников на сенозаготовках; *Большой круг*. Устар. Одна из трех сект старообрядческого толка; *Максин круг*. Старообрядческая секта, запрещающая присутствовать на похоронах сектанта, если он принадлежал к другому “кругу”; *Малый круг*. Одна из сект старообрядческого толка; *Слабый круг*. Старообрядческая секта, снявшая все запреты; *Сидеть в кругу*. Фольк. Пьянствовать с товарищами; *С кругу спятить*. Поступить вопреки ожиданиям [не по ритуалу - А.К.], сделать что-либо не так, как ожидали; *Сбиться с круга*. Выбиться из обычной колеи: обеднеть; *Хоровод*; *Круги девичьи*; *круги водить*; *Ходить, играть в круг (в кругИ. в кругА. в кругу)*; *На кругах ходить*; *Круги заводить, делать*; *В*

кругу стоять; *Пойти во круг*; *Выходить на круг*; *Идти по кругу*; О хороводах, устраиваемых в дни храмовых праздников и в троицын день; Массовое народное гулянье; танцы; В названиях игр: *Кругом*; *Кругом со столбом*; *Играть в круг*; *круг на круг*; *круг унести* (СРНГ, 15, 294-296).

Социально отмечены также и значения прилагательного *круговой*: “*Круговая пляска*, *круговые песни*; *Круговая порука* - Поручительство, взаимные обязательства каждого члена данной среды, группы в отношении других; *Круговая чаша* - Устар. Чаша, подносимая поочередно каждому из гостей (БАС-1, 5, 1721-1722)”.

Поскольку ритуал предусматривал оделение всех едой и питьем, то нарушение его воспринималось как страшное оскорбление. Ср. у А.К. Толстого: “*Но обнёс меня ты [князь Владимир] чарой В очередь мою. Так иди же прочь, Чубарый, Уноси Илью [Муромца]*”. Ср. то же в былине:

Еще втапоре Овдотье за беду стало,
За велику обиду показалось,
Пошла Овдотья со честна пиру,
Со честна пиру да княженецкого;
И повеся идет да буйну голову,
Потопя идет да очи ясные
И во мамушку и во сыру землю.
А настречу ей Хотенушко сын Блудович,

Он и сам говорит да таково слово:
“Уж ты мать моя, мать и государыня!
Ты що идешь со честна пира невесёла,
Со честна пира да княженецкого, -
Ты повеся идешь да буйну голову,
Потопя идешь да очи ясные
И во матушку да во сыру землю?
Але место тебе было от князя не по вотчины,

Але стольники до тебя не ласковы,
Але чашники да не приятливы,
Але пивным стаканом тя обносили,
Але чары с зеленым вином да не в доход дошли? [Былины: Сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. - Л., Сов. писатель, 1986, с.219-220];

²⁶“Храмов в религиозном значении родовая эпоха еще не знает... ‘Храм’ не в одном русском языке значит, как я уже говорила, ‘хорома’ [так! - А.К.], покой жилище,

комната. Под 'храмом' понимается 'небо'. Здесь на небе (то есть под открытым небом), бог-жертва умирает и оживает на столешнице, под балдахин при соучастии всего племени. Но если это еще не храм, то еще и не подмости и не простой бытовой стол, обеденный или кухонный.

Круглое широкое место, обведенное оградой, - вот мегалитический кромлех с менгирами, вот храм, подмости, покой в их дозрелищном, добытовом, дорелигиозном виде, вот площадь и рынок в семантическом потенциале. <...>

Круговые шествия солнца осуществляются на площадях в виде качелей, этих дохрамовых "воздухов", хороводов, круговращений, кувырканий на голове. <...>

На площадях, среди жилищ богов и людей, имеется еще одна реплика все той же образности - меновая торговля. Самое главное, на что следовало бы тут обратить внимание - это первоначальное языковое тождество 'площади' и 'рынка' (*агора* у греков, *форум* у римлян). Площадь - это круглое место, впоследствии посреди города, связанное с произнесением слов (по-гречески 'говорить' значит 'площадствовать'); площадь представляет собой впоследствии народное собрание, рынок (специально со съестными припасами) и суд, но в данную эпоху его функции еще слиты с площадью. Площадь-рынок, круглое свободное место, окруженное улицами, совпадает по образной идее с "большим домом" развитой родовой эпохи, окруженным хижинами..., с атриумом..., с орхестрой будущего театра, со ступенями и арками будущего храма, с ареной будущего цирка. Город, храм, театр, дом - везде повторяется единый образ солнца, круглого неба, круглой земли-преисподней. <...>

...суд происходил под открытым небом и был однозначен солнцу, ...он протекал на круглой площади, в окружении соучастников". [Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора // Миф и литература древности, М.: Наука, 1978, с.101-102].

²⁷Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т.3, М.: Прогресс, 1971, с.100-101.

²⁸*Обигорить, обыгорить* '1. Сделать, построить, наладить что-либо с трудом. 2. Приобрести с трудом, с горем пополам.'

[СРНГ, вып. 22, с.282]; *Обизор* 1. Позор, стыд; бесчестие, поношенье. 2. По суеверным представлениям - действие дурного глаза, порча [выделено мной - А.К.] [СРНГ, вып. 22, с.61]. *Обизорить* 3. По суеверным представлениям - напускать порчу [выделено мной - А.К.] [СРНГ, вып. 22, с.62]; *Обиконный* Опрятный, аккуратный [СРНГ, вып. 22, с.62]. Т.е. такой, как положено испокон, обиходный. Ср. *за-кон, конаться, ставить на кон, быть на кону* с тем же ритуально отмеченным корнем. *Обыгонка* Борозда посередине загона; *Обыгонью* Начиная или кончая посередине загона, от борозды или до борозды обыгонки (о пахоте); *Переть обыгонью*. Говорить без перерыва, не переставая. [СРНГ, вып. 22, с.282]. В формально отношении важна засвидетельствованность форм *обЫзреть* и *обЫзрить* "Увидать, приметить, присмотреть, облюбовать что-либо" и др. **Не обызри я детей.** Клятва отца и матери. **Южн., Даль.**" [СРНГ, вып. 22, с.286]. Весьма архаичным представляются слова *обысо́ка* 'облава' *Сделали на волков обысоку*. Смол., 1914 и *Обысочник* 'Тот, кто отыскивает в лесу годные на мачты деревья и ставит на них метки'. Наумов [без указ. места], 1874 [СРНГ, вып. 22, с.288-289].

В диалектах же находим и ритуально отмеченное значение слова *обиход* "6. Традиция, обряд, церемония, обычай. **Кубан.,** 1902. *Свадебный обиход. Праздничный обиход*. Холмог. **Арх.** [СРНГ, вып. 22, с.68]. Примечательно также, что наряду со словом *обиход*, в диалектах имеется и *обиходь* в одном из значений слова *обиход*: *Посудина обиходь любит* Шадр. **Перм.,** 1930 [СРНГ, вып. 22, с.70].

²⁹Kiparsky V., Russische historische Grammatik, V.III: Entwicklung des Wortschatzes, Heidelberg, 1975, 321. Перевод автора.

³⁰Там же, с.321.

³¹Ср. *обхождааше градице оуче* Мк 6, 6 Зогра Мар (СтС, с.400); с перечислением форм и текстов.

³²*А.Мейе*, Общеславянский язык, М., 1951, 124.

³³Ср. лит. *api-begti* обежать, обегать; *api-bristi* обойти (обходить) вброд; *arygarda* округ; *api-pinti* 1. оплести, оплетать; 2. опутать, опутывать; *api-plauti* ополоскать

ополаскивать; обмыть, обмывать; *ap-sesti* обсесть, обедать (кого-что); *sesti* (садиться) вокруг (кого-чего); *ap-stoti* обступить, обступать. (В. Косухин и А.Либерис, Литовско-русский словарь для школ., Вильнюс, 1956, с.29-36). Показательно, что в литовском языке вариант *ari-* выступает только в позиции перед корнем, начинающимся с *p/b* -, во избежание ассимиляции согласного приставки с согласным корня и - как следствие - омонимии с приставкой *a-*. Глагольная приставка *ap-/ari-*, как правило, безударна, а ударный вариант *aru-* встречается преимущественно в именах.

³⁴Julius Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, B. I, Bern und Munchen: A.Franke AG Verlag, 1959, S.287.

³⁵А.М.Селищев, Старославянский язык, Ч. 1-ая, Введение. Фонетика, М.: Учпедгиз РСФСР, 1951, с.229.

³⁶Julius Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, B. I, Bern und Munchen: A.Franke AG Verlag, 1959, S.323.

³⁷Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов Индоевропейский язык и индоевропейцы, Т.1, Тбилиси, 1984.

³⁸Последний по времени обзор важнейшей литературы вопроса см. у О.Н. Трубачева (ЭССЯ 26, 73-74).

³⁹А.М. Селищев, Старославянский язык, Ч. 1-ая, Введение. Фонетика, М.: Учпедгиз РСФСР, 1951, с.329.

⁴⁰Ср. другие позиции нейтрализации: *И бесёдьливе и глаголиве*. Гр. Наз. XI в. 294 (Срезневский 1, 85). Реальность нейтрализации и переразложения в данной позиции подтверждается, в частности, написанием *И каани* в Зографском Евангелии на месте *о окаании законьникъ* - в Мариинском (Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов / Э.Благова, Р.М.Цейтлин, С.Геродес и др. Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. - М.: Рус. яз., 1994, с.408).: *Наслаждает бо сё Богъ съ бесёдованиёмъ свѣтыхъ*. ПС. СП. 34. по сп. XI в. (Срезневский, 1, 84).

⁴¹р в древнерусском: *Брате аще кде боудоу изъгроубил или оу тоузѣили въ печали. или въ бесёдёколи съ другом. а вы Бога дѣлѣ исправляюще чтѣте*. Ев. 1307 г. зап. (Срезневский, 1, 83-84); *трезвѣщесѣ не въ много-словии. и глоумѣщесѣ. друоугъ друоуга*

оуничтьтожающе. въ бесёдахъ и в смѣсѣ. ПНЧ 1296, 128 об.; *до поздн(а)го сидѣшии въ бесёдѣ всѣхъ преосужая*. ЗЦ к. XIV, 116б. (СлРЯ XI-XIV вв., I, 155-156). Ср. более поздние примеры употребления слова *беседа* с предлогом *ВЪ*, который после переразложения закономерно утратил редуцированный гласный *Ъ* в слабой позиции: *Там сошедшиши на праздничное пириество градоначальники и граждане въ любовной бесёдѣ воспоминают труды Петровы*. Лом. СС I 188. *Когда присудствующие въ бесёде разъѣзжаться стали, тогда чрез служителя дала мнѣ знать, что желает на ѣдине говорить со мною*. Маркиз V 13. *Я всечасно въ бесѣдѣ набожныхъ людей находилсѣ*. Маркиз I 112. *Манитейн.. занималсѣ въ ученыхъ тогда заведенныхъ бесёдахъ*. РМ I 301 (СлРЯ XVIII в., 1, 206-207).

⁴²ОБИСТОЯНИЕ ↔ ОБ±СТОЯНИЕ [СлРЯ XI-XVII вв., вып.12, с.55].

⁴³Ср. у З.Д. Поповой и Г.А. Волохиной: “Пространственная сема Д1 приставки *об-* может быть определена как “окончание перемещения субъекта/объекта по окружности относительно пространственного ориентира”. Окружность может быть замкнутая и незамкнутая” (Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993, с.106). “Обнаруживаются в связанных основах такие семы приставки *об-*, которые в свободном употреблении не отмечены: <...> “обойти стороной” в статусе К1 может быть обозначено как “причинить ущерб другому или себе, т.е. ошибиться”: *обдѣлить ролью, обсчитать покупателя, обознаться, ослышаться, ослушаться, оговориться, обыграть в карты, обхитрить, оступитьсѣ*” [Волохина, Попова 1993, с.109].

⁴⁴Ср. свидетельство исследователей семантики глагольных приставок в современном русском языке: “Приставка *об-*, очень древняя и фонетически сильно разрушенная, входит в большое число связанных основ, сохраняя в них свои семы: <...> “полуокружность, по дуге”: ... *оглянутсѣ*” (Волохина, Попова 1993, 108).

⁴⁵Отражение этого значения приставки (семантики разомкнутого круга) можно видеть в ворон., донск. *обеды* ‘движение воз-

духа в жаркий полдень, марево' (СРНГ 22, 26) - то, что заставляет об-ведаться, обознаться, ошибиться в восприятии или интерпретации видимого.

⁴⁶Ср. "Птица (ворона, пчела ...) сидит где-л. - птица, пчела и т.п. находится на каком-л. месте, поверхности, не передвигаясь, не перемещаясь [выделено мной - А.К.]" (Словарь сочетаемости слов русского языка: /Под ред. П.Н.Денисова, В.В.Морковкина. - 2-ое изд., испр. - М.: Рус яз., 1983, с.505).

⁴⁷"Когда мы говорим о сиденье, нам кажется, что это искони предназначенный для своей цели предмет; когда же мы видим, лингвистически и культурно, что сиденье неотделимо от понятий стола и шкафа, нам приходится изменять взгляд на его семантику. Сиденье - такое же вместилище божества, как ниша и эдикула: это такое углубленное место, та же яма в дереве или в камне, полуприкрытое, на столбах или колоннах, что в эдикуле и нише; скамейка, тот же дубликат стула, стоит в ногах в виде ступени. Итак 'сиденье' - это тот же стол типа ложа, если и в ложе и в стуле мы имеем полуприкрытое вместилище божества или человека. Особенно нагляден этот образ в 'троне', сиденье на возвышении, со скамейкой в виде ступени, переходящем в кафедру позднейшего значения. Священный характер акта сиденья и его семантика преодоления смерти обнаруживается в том, что при посвящении в мистерии одним из его основных моментов было действие сажания посвящаемого на особый стул; сажали его в определенной позе, покрывали голову материей и над ней поднимали священную корзину с плодами и фаллом. ...вспомним, что ниша была обычным местопребыванием бога, статуарно изображенного, - и нам станет ясна аналогия 'сидящего' с 'богом' (Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра, 1997 (1936), с.186-187)".

⁴⁸"Стол - сперва камень, дерево или просто насыпь; на нем едят еду не потому, что он искони создан для этого; первоначально вещь ничего не означает и могла бы вовсе и не бытовать; но стол - божество, стол - небо-земля, позднее - местопребывание божества; стол имеет свой культ, и ему воздаются божеские почести. Так же священ и алтарь (жертвенник), его позднейшая

разновидность, выполняющая функции священной плиты; жертвенник, алтарь, стол - варианты божества. Пребывание на столе означает обожествление, победу жизни над смертью... Со столом как с победой над смертью связывается и представление о власти; так носитель божественной идеи, царь или князь, получает власть в акте сидения на столе. Как небо, стол - святыня храма, святая святых, престол, где совершается еврахистия и где лежит божество в виде вина и хлеба. (Фрейденберг О.М., Поэтика сюжета и жанра, 1997 (1936), с.184)".

Ср. также продолжение этого явления культуры в средневековье: "Пир, празднество, на значение которого указывают Мосс и другие этнологи, играл, как видим, огромную роль и в жизни средневековых скандинавов.

Пиршестввенная горница была центром дома знатного человека. Пир и тинг - важнейшие узлы социальной жизни германской знати, из которых первый едва ли не был главным. Особое значение пира в жизни скандинавов подчеркивается и в постановлении "Законов Фростатинга", гласящем: - "В трех местах - в церкви, на тинге и на пире - все люди одинаково должны пользоваться неприкосновенностью". Пир оказывается здесь в одном ряду с двумя другими важнейшими центрами социального общения, причем с такими, как церковь - место общения с богом и тинг - орган поддержания правопорядка и осуществления правосудия.

Пире, празднества, обмен дарами в варварском обществе - неотъемлемая часть системы общественной коммуникации. Все эти акты носили подчеркнуто, демонстративно формальный характер, регламентируя поведение человека в обществе. При посредстве этих актов утверждалось и в наглядной форме реализовалось социально-психологическое единство общественных коллективов. (Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с.77-78, 82).

"Управление племенем или союзом племен - конунги, ярлы - осуществляли во время поездок по подчиненной им области и участвуя в пирах, которые устраивали для них местные жители. На пирах обсуждались

все дела, совершались жертвоприношения и возлияния в честь языческих богов.

Исландские саги подробно описывают эти пиры. В больших пиршественных горницах норвежских конунгов собирались их приближенные и наиболее влиятельные из бондов. Хозяин восседал на возвышении, во главе трапезы; хозяйское сиденье опиралось на деревянные столбы, украшенные резными изображениями языческих богов, под защитой которых находился дом. По стенам на скамьях сидели гости и приближенные. В центре горницы горел очаг. Пир длился по многу часов, а то и несколько дней. На пиру конунг узнавал все местные новости, принимал решения, отдавал приказания. Восседа на почетном сиденье, государь раздавал свои милости дружинникам и союзникам, даровал кольца и оружие, разрешал конфликты и определял виры. (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984, с.240). Хотя данная характеристика формально относится не к славянам, она отражает общую для индоевропейских народов культурную традицию, как о том свидетельствуют, в частности, русские былины (Р.С.Липец, Эпос и древняя Русь, М.: Наука, 1969).

⁴⁹Ср. диалектное Пиры пить. Пировать. *Отдали дочку замуж, пиры пьют, гуляют, Казаки-некрасовцы*, 1969 (СРНГ, 27, 38).

⁵⁰Самый яркий пример - это Дионис, бог лозы и виноградного сока, соединяющийся в таинствах с женой архонта-царя, и Зевс Сотер, бог-вино, связанный с трапезой, призываемый перед браком. В отличие от антропоморфного Диониса, Зевс Сотер сохраняет природу вина как напитка и является его именем, его персонификацией; однако имя-то это Сотер, значит "спаситель". Сочетание образов вина, брака и спасения далеко, конечно, не случайно. Вино - позднейшая стадийная замена крови, и крови разрываемого на части тотема - жертвенного животного; как эта 'кровь', имеющая евхаристическое значение, связана с образом исчезновения-появления, смерти-жизни, так и 'вино' сохраняет значение смерти-воскресения и смерти-рождения. Земледельческий эквивалент крови, 'вино' означает в фольклоре плодородие, избавление от смерти, производительность. Питье крови -

древнейший акт спасения и исцеления, и вино, становясь на его место, вбирает в себя его семантику, лишь обновленную тем, что 'спасение' и 'исцеление' уже носят земледельческий характер, характер оплодотворения и рождения. (Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра, М., 1997, с.76-77).

⁵¹Ср. у В.И.Даля: "**Бесѣда** - Собрание, общество, кружок [!!-А.К.], сход или съезд для беседования; праздничные вечерние собрания у крестьян: **Бесѣдка**, **бесѣдки**, **бесѣдушка** вечеринка, вечерница, вечерки, светки; сбор девок с веретеном и куделью в один дом, обычно *в круговую*, на всю ночь; сходбища осенние и зимние, *взамен летних хороводов*, начиная *от конца уборки хлеба*, когда уже жгут по избам огонь... На *бесѣдки* приходят и парни, лапти плесть, а больше дурить, и поются безумолчно песни; замужним и женатым обычно тут не место. Потчиванья не бывает... *Бесѣдками* наз. и праздничные зимние сборища, о святках" (Даль³, 1, 208).

⁵²"Как при пире, при беседе - много друзей; как при горе, при кручине - нет никого" (Даль³ 3, 283); "В<опрос>. Чему должен научиться служаи трапезѣ? О<ответ>... Сѣ бесѣдники, или пиршебники в бесѣду не вдятися. Гражд. об. дет., 44. XVIIв. (СлРЯ XI-XVII вв., 15, 50); архимандриту въ кельѣ бесѣды не дѣлати, и пировъ не чинити... АЮБ III, 27. 1584 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 1, 149); П и р-бесѣдушка, пир-беседа. *Дорога, сударь да хозяин, Пир-беседа со гостьми*. Ветл. **Костром.**, Истомин, П и р - бесѣдушка стоит. Идет пир, застолье. *У батюшки пир-бесѣдушка* стоит, все друзья-братья по лавочкам сидят. **Казаки-Некрасовцы**, 1969. Собрать, созвать пир-бесѣдушку; собраться пир-бесѣдушке. Устроить пир, застолье; собраться на пир, на застолье. *Соберу, созову пир-бесѣдушку*, **Терск. Пск** (СРНГ, 27, 38); При том пиру, при бесѣдушке *Тут сидел да посидел Добрынюшка* (Былины: Сборник, Л., 1986, с.102); *Юношѣ красну идущу на пир бесѣдовати, сице рече <Диоген>: узриши яко безобразен оттуду возвратишися*. Апофегм. 33 (Сл РЯ XVIII в., 1, 207).

⁵³См. **В.Н.Топоров**, Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола "стоять", преимущественно в специализирован-

ных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А.Агапкина. - М., Индрик, 1996, с.7-89. Далее – (Топоров 1996).

⁵⁴”Впрочем, следует вспомнить об употреблении глагола “сесть”, “садиться” в значении ‘приземлиться’, ‘найти точку опоры после полета’. Ср. *Черен, да не бык, шесть ног без копыт, летит - воет, а сядет... землю роет.* - *Жук* (№731), ср. №№ 736, 741, 749... (Топоров 1996, с.84)”.

⁵⁵“С основанием полагают, что исконно *sed- могло обозначать передвижение путника в сидячем положении” (Топоров 1996, 84).

⁵⁶Ср. также реконструируемый там же термин для обозначения ‘зависимых’ по отношению к ‘свободным’, состоящий из сочетания преверба **up*^[h]о- ‘под’ с глаголом **st*^[h]~ ‘стоять’: “др.-инд. *bra-sti-* ‘подчиненный’, ‘слуга’..., ср. *upasth-nam* ‘служба’, отождествляемое со ср.-ирл. *foss* ‘слуга’, валл., брет. *gwas*, корн. *guas* (отсюда средневеково-латинское заимствование *vassus*, *vassalus* ‘вассал’) (Гамкрелидзе, Иванов 2, 480)”. Ср. в санскрите: преверб *pra-* в сочетании с глаголами имеет значение “к, ближе к”, а в сочетании с именами имеет специфическое дополнительное значение “под-, второстепенный” (А.А.Зализняк, Грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / Под ред. В.И.Кальянова. С приложением “Грамматического очерка санскрита” А.А.Зализняка. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Филология, 1996, с.925, 926). Учитывая этимологическое тождество санскритского *pro-* (Pokorny I, 1106-1107) с лат. *sub-* ‘под; близ, у, к, при, до: под властью, в царствование’ (Дворецкий 1976, 960-961) и греч. *υβ* - ‘о месте: под; о подчиненности, зависимости; “в сложных словах означает а) движение подо что или к чему, также пребывание под чем... б) подчинение или подчиненность... с) тайное, незаметное, постепенное действие’ (А.Д.Вейсман, Греко-русский словарь; репринт V-го издания 1899 г., М.: 1991, 1286-1287). Семантика данного индоевропейского термина как бы специально собрала все значения, входящие в ситуацию эмпирического и сверх-эмпирического стояния во время магического ритуала. Тут одновременно и подчиненное положение

стоящего, и его приближенность и устремленность к подателю благ как кудесника, “любимца богов”, посредника между ними и людьми, а также - главное и очень важное для концепции В.Н.Топорова - “тайное, незаметное, постепенное действие”.

⁵⁷Лицо с **высоким** социальным (ритуальным) статусом должно было **сидеть**, а с **низким** — **стоять**. Социальная значимость этих поз возвращает нас к фигуре священного царя. <...> Неподвижность и должна была символизировать **устойчивость как незыблемость** царской власти, так и самого государства. Этим требованиям соответствовала **поза сидения**, в то время как **положение стоя ассоциировалось с неустойчивой зыбкостью и неопределенностью статуса человека**. (Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990, 72).

⁵⁸Стандартная и до сих пор нормативная поза сидения у европейцев — на подставке (сидении), с опущенными ногами. Это **очень архаичная поза первоначально сакрального характера**. Для ее семантики важны следующие детали. Прежде всего, в ней акцентируется противопоставление верх — низ. **Сидеть** на возвышении — **привилегия божества** или его земного заместителя (**царя**) (Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990, 72-73)..

⁵⁹Важно и другое: само сидение трона нередко представляло собой углубление, вместилище для божества или человека. Такое несколько **парадоксальное соединение возвышения и углубления** имело символический смысл. Именно здесь находится **начало всех начал, но здесь же и конец: жизнь переходит в смерть** и в их чередовании кроется высший смысл и порядок. <...> Другая важная особенность этой позы заключается в том, что туловище и ноги сохраняют вертикальное положение. Подошвы, как им и положено, ориентированы к земле. Это поза, в которой столь существенная для архаического сознания связь с землей не только не прерывается, но и подчеркивается. Другими словами, при всей искусственности это одна из наиболее естественных поз сидения, ближайшая к положению стоя и вместе с тем **обладающая несрав-**

ненно большей устойчивостью. Она как бы сочетает в себе покой и вертикальное положение (Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990, 73).

⁶⁰Ср. обряд евхаристии, совершаемый стоя. “У многих древних народов поза “стоя” считалась молитвенной. Так молились, например, древние иудеи. (Марк, XI, 25). Обычай молиться стоя сохранился в православной церкви... <...> ...в ритуализованных ситуациях адресатом вставания/стояния была либо сакральная, либо социальная величина. В этикете эта поза адресуется партнеру по общению, который как бы приравнивается к “первоначальным” ад-

ресатам. Именно на этой аналогии основан эффект почтения, присущий позе “стоя” (Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990, 77).

⁶¹Эту оппозицию можно связать с предыдущими: летом в полдень под открытым небом земледельцы смиренно в благоговейном молчании молят высшие силы об урожае, а зимними вечерами в своем доме они весело потребляют полученный урожай, благодаря вслух и творя возлияния богам за дарованные ими блага.